

А. Н. Красовец

Институт славяноведения РАН

«КАЛЕЙДОСКОПНЫЕ» РОМАНЫ ЙОСИПА ОСТИ В АСПЕКТЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОСТИ

Словенско-боснийский поэт, писатель, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор Йосип Ости (1945–2021) родился в Сараево, с 1990 г. жил и работал в Словении. Являясь признанным поэтом у себя на родине, пишущим по-хорватски, одним из крупнейших переводчиков словенской литературы на сербохорватский язык, с 1997 г. он начинает писать по-словенски. Транскультурные аспекты литературных произведений Йосипа Ости, как поэтических сборников, так и романов, представляют собой уникальное явление. В нашем исследовании мы обратились к романам Йосипа Ости, а именно к его трилогии — «Призраки дома Генриха Бёлля» (2016), «Перед зеркалом» (2016) и «Жизнь — чудовищная сказка» (2019). Все три произведения располагают сильной (авто)биографической составляющей и образуют особую романную форму, которую автор называет «калейдоскопно-мозаичным» романом. Последний имеет фрагментарную структуру и состоит из рассказов, историй из жизни, анекдотов, городских легенд, эссеистических заметок, литературно-критических отступлений, лирических отрывков, дневниковых записей и пр. В романах Ости мы также находим связь с традицией краткой прозы в боснийско-герцеговинской литературе, в частности с произведениями 1990-х годов таких авторов, как М. Ергович, Д. Карахасан, Н. Величкович, К. Заимович и др. Их текстам присущи дестабилизированная жанровая форма, мозаичный нарратив, личные и документальные свидетельства, палимпсестная модель повествования. Калейдоскопическая структура прозаических текстов Ости помогает ему отразить свойственный для его интимного и художественного мира транскультурный взгляд, охватить сложное наложение разнородных элементов. Романы написаны по-словенски, но посвящены преимущественно пространству Сараево, уникальной мультикультурной атмосфере этого города, а также развернувшейся в нем трагедии; тем самым писатель дополняет так называемый сараевский текст, но уже в поле словенской литературы, художественно осмысляя взаимосвязанность Боснии и Словении. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: современная словенская проза, калейдоскопный роман, иммигрантская проза, сараевский текст, боснийско-герцеговинская литература, краткая проза 1990-х годов, транскультурность в литературе.

Aleksandra N. Krasovec

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

“KALEIDOSCOPIC” NOVEL OF JOSIP OSTI IN THE ASPECT OF TRANSCULTURALITY

The Slovenian-Bosnian poet, writer, essayist, literary critic, translator and editor Josip Osti (1945–2021) was born in Sarajevo, lived and worked in Slovenia since 1990. Being a recognized poet in his homeland, writing in Croatian, one of the largest translators of Slovenian literature into Serbo-Croatian, since 1997 he has been writing in Slovenian. The

transcultural aspects of Josip Osti's literary works, both poetry collections and novels, are a unique phenomenon. In our study, we turned to the novels of Josip Osti, namely his trilogy — *Ghosts of the House of Heinrich Böll* (2016), *In Front of the Mirror* (2016) and *Life is a Creepy Fairy Tale* (2019). All three works have a strong (auto)biographical component and form a special novel form, which the author calls the "kaleidoscope-mosaic" novel. The latter has a fragmented structure and consists of short stories, life stories, anecdotes, urban legends, essayistic notes, literary-critical digressions, lyrical passages, diary entries, etc. In Osti's novels, we also find a connection with the tradition of short prose in Bosnian-Herzegovina literature, in particular, with the works of the 1990s by such authors as M. Jergović, D. Karahasan, N. Veličković, K. Zaimović and others. Their texts are characterized by a destabilized genre form, a mosaic narrative, personal and documentary evidence, and a palimpsest narrative model. The kaleidoscopic structure of Osti's prose texts helps him to reflect the transcultural view characteristic of his intimate and artistic world, to embrace the complex overlap of heterogeneous elements. The novels are written in Slovene, but they are mainly devoted to the space of Sarajevo, the unique multicultural atmosphere of this city, as well as the tragedy unfolding in it; thus, the writer complements the so-called "Sarajevo text", but already in the field of Slovenian literature, artistically comprehending the interconnectedness of Bosnia and Slovenia. Refs 19.

Keywords: modern Slovenian prose, kaleidoscopic novel, immigrant prose, Sarajevo text, Bosnian-Herzegovina literature, short prose of the 1990s, transculturality in literature.

ЙОСИП ОСТИ И ЕГО РОМАННАЯ ТЕТРАЛОГИЯ

Йосип Ости (1945, Сараево — 2021, Томай, Словения) — словенско-боснийский поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, переводчик. Ости работал редактором в студенческой газете «Наши дани» (*Naši dani*), с 1973 г. — в издательстве Veselin Masleša. Он вел активную организаторскую деятельность, в частности в рамках различных литературных институций: занимал должности секретаря Союза писателей Боснии и Герцеговины, председателя Общества литературных переводчиков Боснии и Герцеговины, директора международного литературного фестиваля «Сараевские дни поэзии», который во время осады Сараево в 1992–1995 гг. был перенесен в Любляну. С 1990 г. жил в Словении, с 1997 г. писал произведения по-словенски. Антивоенная позиция поэта нашла выражение в ряде важных акций. Ости выступил соучредителем Культурных выходных для детей из Боснии и Герцеговины в Любляне, где руководил литературными ателье для детей беженцев. Он был основателем и редактором книжной серии «Egzil-abc», которая выходила с 1993 по 1996 г. и в которой Ости опубликовал 160 книг, в том числе произведения авторов из осажденного Сараево. При посредничестве Ости поэт Борис А. Новак (р. 1953), занимавший место президента Словенского ПЕН-центра и председателя Сараевского комитета Международного ПЕН-центра, осуществлял сбор и отправку финансовой поддержки писателям в осажденном Сараево.

Литературная и переводческая библиография Ости впечатляет: он выпустил более 30 поэтических сборников, 8 книг прозы, 27 эссе, а также 14 антологий боснийско-герцеговинской и словенской поэзии и прозы, переводы более 110 книг словенских авторов на сербохорватский. Ости были присуждены многочислен-

ные награды, среди которых международная литературная премия Виленица (1994), специальная международная поэтическая премия «Scrittura di Frontiera» (Триест, 2005), международная поэтическая премия имени Аннибале Руччело (Кастелламаре-ди-Стабия, 2016) и многие другие.

Транскulturный характер личности Йосипа Ости, неотделимой от его по преимуществу автобиографического творчества, во многом был заложен его происхождением и местом рождения: он — хорват по матери и словенец по отцу. Наравне с поэзией со второй половины 1990-х годов Ости начинает писать прозу, что напрямую связано с военным конфликтом на территории его родины и обусловлено желанием писателя запечатлеть мир своего детства и молодости в уникальной мультикulturной атмосфере Сараево. В 2014 г. после обнаружения у поэта онкологического заболевания он взялся за написание трилогии биографических романов, ставшей в итоге тетралогией. В трилогию, которую Ости сам для себя называет «Ветреная ночь в Лангенбройхе» (*Vetrovna noč v Langenbroichu*) (Osti 2020: 5), вошли романы «Призраки дома Генриха Бёлля: (калейдоскопный роман, состоящий из рассказов, прежде всего о писателях)» (*Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih)*, 2016), «Перед зеркалом: (черновики неотправленного письма Чарльзу Буковскому, или неоконченный роман, состоящий из отдельных, иногда в жизни также незавершенных любовных историй)» (*Pred zrcalom: (beleške za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb)*, 2016) и «Жизнь — чудовищная сказка: (трехколейный калейдоскопно-мозаичный роман, в котором переплетаются мое лечение после обнаружения у меня неизлечимой раковой болезни в конце 2014 года, мамин военный дневник из осажденного Сараево 1992–1995 годов и воспоминания, которые у меня при этом возникали и кружили вокруг меня как птицы вокруг Франциска Ассизского)» (*Življenje je shrhljiva pravljica: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi neozdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, tamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletavali kot ptiči Frančiška Asiškega)*, 2019). В 2018 г. увидел свет роман в письмах, которыми автор обменивался с коллегами-писателями, в частности Борисом А. Новаком и боснийско-герцеговинским поэтом Хусейном Тахмишчичем (1931–1999) во время осады Сараево. Книга «Черный, поглотивший все остальные цвета» (*Črna, ki je pogoltnila vse druge barve*, 2018) — это свидетельство о той уникальной помощи, которую оказали словенские писатели коллегам в окруженном городе.

Все четыре произведения располагают сильной (авто)биографической составляющей (в нашем исследовании мы, однако, обратимся прежде всего к трилогии) и образуют особую романную форму, которую автор называет «калейдоскопно-мозаичным» романом. Последний имеет фрагментарную структуру и состоит из рассказов, историй из жизни, анекдотов, городских легенд, эссеистических заметок, литературно-критических отступлений, лирических отрывков, стихотворений в прозе, дневниковых записей, писем, элементов притчи и пр. Все

это в виде заметок на бумаге в доме немецкого лауреата Нобелевской премии — Генриха Бёлля, где Ости в 1994 г. пребывал по гранту в писательской резиденции, разметал и разорвал ветер. Роман «Призраки дома Генриха Бёлля» больше всего соответствует упомянутой калейдоскопической структуре, поскольку каждая глава представляет собой отдельный рассказ, где в качестве протагонистов выступают представители писательской среды Боснии (прежде всего Сараево), Сербии и Словении, а также европейской и не только литературной сцены — Иво Андрич, Меша Селимович, Стеван Булаич, Данило Киш, Изет Сарайлич, Абдулах Сидран, Светлана Макарович, Прежихов Воранц, Саша Вуга, Милан Йесих, Хусейн Тахмишчич, Драго Янчар, Вацлав Гавел, Петер Хандке, Леопольд Седар Сенгор и многие другие. Роман «Перед зеркалом» является уже полностью автобиографическим, он посвящен воспоминаниям о женщинах в жизни писателя. Каждая из глав — рассказ об одной из них, в частности о бабушке, матери, тете, первых симпатиях и влюбленностях, коротких встречах, а также всех четырех женах, определивших судьбу Ости и позволивших ему изнутри открыть для себя культурные пространства Сербии и Словении. Третий роман «Жизнь — чудовищная сказка» образуют три пересекающиеся повествовательные линии А, В, С: рассказ автора о его лечении от онкологии, военный дневник его матери и появляющиеся параллельно личные воспоминания автора из самых разных периодов его жизни; полное название произведения указывает на эту необычную структуру. В качестве стержня произведения, вокруг которого переплетаются другие сюжетные ответвления, выступает дневник матери Ости — Вероники; она вела его по просьбе сына и в виде писем отправляла из осажденного города, где ей довелось прожить все три с лишним года. Простым, фактографическим стилем пожилая женщина описывает ужасающую военную повседневность с постоянным присутствием смерти, боли, лишений, непрекращающуюся борьбу за выживание, как за свое собственное, так и окружающих ее, в том числе животных, среди которых оставшийся с Вероникой кот писателя по кличке Шираз. Ости рисует мультикультурную, мультирелигиозную, мультиязычную атмосферу своей молодости, литературную и политическую жизнь своей родины. Гуманистическая позиция писателя, ставящая его вне каких-либо лагерей, позволяет отчасти понять суть трагедии, разразившейся на территории бывшей Югославии. Борис А. Новак справедливо замечает: «Речь идет о драгоценном свидетельстве, которое помещает этот роман на уровень одного из важнейших литературных, исторических и этических документов адской осады Сараево» [Novak 2021]¹.

МОЗАИЧНАЯ РОМАННАЯ СТРУКТУРА В ПРИЗМЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОСТИ

В качестве так называемой повествовательной молекулы (Osti 2016a: 422), на основе которой писатель выстраивает свою синкретическую романную форму,

¹ Здесь и далее перевод со словенского мой. — А. К.

выступает рассказ, поскольку, по его словам, из рассказов, из историй состоит каждая человеческая жизнь (Osti 2016a: 416). И именно мозаичная структура, вбирающая в себя эти рассказы, позволяет Ости выразить всю экзистенциальную сложность и незавершенность как таковую. В первом романе трилогии Ости формирует как теоретически, так и в самой художественной реализации свою особую, калейдоскопическую романную структуру, которая в последующих произведениях обретает различные вариации. Так Ости следует пониманию романного жанра, которое сформулировал М. М. Бахтин: «Это вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр» [Бахтин 1975: 482]. Желание же Ости приблизить художественное произведение всей комплексности и неоднозначности жизни позволяет вспомнить определение романа, данное Миланом Кундерой, согласно которому главной функцией романа является познание человеческой экзистенции [Kundera 1986: 50]. При этом важной составляющей художественного текста для Ости является неуловимая природа самой жизни: «Книга при помощи своей фрагментарности призвана подчеркнуть, что в литературе так же, как и в жизни, вопреки всем нашим стараниям целое от нас ускользает» (Osti 2016a: 423). Наряду с этим отметим, что такого рода калейдоскопическая структура призвана также отразить гибридную идентичность самого писателя, это тот способ, который он нашел, чтобы передать всю сложность своего существования на границе между культурами, языками, народами и странами.

Изучением явления транскulturности и разработкой ее теории, которую также называют транснациональной теорией, занимались такие философы, как Вольганг Вельш и Хоми К. Бхабха (см.: [Welsch 1997; Bhabha 1994]), которые начали уделять особое внимание областям культурного пограничья, чья значимость возросла в последней четверти XX в. ввиду интенсивных экономических, глобализационных и миграционных процессов. Теория транскulturности оперирует такими понятиями, как гибридность, гибридная идентичность, плюрализм культурных и лингвистических кодов, экстерриториальность, многоязычие, метарефлексия, диалогизм, транслингвизм (см., например: [Рубинс 2014]). Еще одним ключевым понятием, которое помогает нам понять суть транскulturных процессов, является так называемое третье пространство (third space) или «пространство-между» (space-in-between), разработанное в работах Хоми К. Бхабхи [Bhabha 1990], а также Эдварда Соджи [Soja 1996]. «Третье пространство» раскрывает пограничную область контакта, столкновения, наложения и смешения противоречивых и сложных по своей структуре культурных пластов, именно в этом «межпространстве» ведутся диалоги, переговоры, разворачиваются процессы взаимодействия, взаимопроникновения, межсемиотического перевода между различными культурными, литературными и языковыми моделями. Данные явления также не имеет смысла рассматривать с точки зрения бинарных и дихотомизирующих идентификационных конструкций, поскольку они позиционируют субъект новым, «перемещенным», «децентрализованным» образом, благодаря чему и могут быть осознаны голоса изгнанных, преследуемых и мар-

гинализованных членов социума [Jurić Pahor 2018: 59], как и просто тех, кто ввиду своей гибридной идентичности наделен пониманием этого особого поля во всей его неоднозначности, изменчивости и конфликтности.

Йосип Ости — одна из таких фигур. Будучи писателем-иммигрантом первого поколения, уже получившим признание у себя на родине, обладавшим большой сетью международных культурных связей, а благодаря переходу на словенский язык также быстро включившимся в литературный контекст Словении, он представляет собой пример интегрировавшегося автора-иммигранта. Этот факт выделяют и словенские исследовательницы [Borovnik 2017; Koron 2020]; Яня Житник-Серафин в монографии «Мультикультурная Словения» подчеркивает, что двуязычное творчество Ости оказалось в словенском литературном пространстве первым, в отношении которого был признан его двунациональный характер [Žitnik Serafin 2008: 103].

Необычная романная структура, которую выработал Ости, помимо того, что заявлена уже в названиях всех трех книг, обладает и дополнительным метафорическим обоснованием, на которое указывает название трилогии — «Ветренная ночь в Лангенбройхе». Последнее отсылает к вышеупомянутой отправной сцене возникновения трилогии, ставшей ее лейтмотивом. Так, ветер, ворвавшийся через открытое окно в комнату к Ости, перепутал и разорвал заметки на бумаге для будущих произведений; заново собранные после этого, они якобы послужили материалом для рассматриваемых нами текстов. Мистификация, предпринятая писателем, выглядит вполне убедительной, а составленный им «список ветров» служит своеобразной метафорой судьбы, ее сложных и непредсказуемых изгибов:

Ветер истории. Ветер любви. Ветер ненависти. Ветер добра. Ветер зла. Ветер войны. Ветер, движущий нас вперед, в том числе туда, куда мы никогда не дойдем. Ветер, который останавливает нас в пути. Ветер, который возвращает нас туда, откуда мы пришли. <...> Ветер в искусстве: в музыке, живописи, литературе... Ветер каждого отдельно взятого языка и всех языков вместе. Ветер словенского языка, который для меня, в том числе как для писателя, судьбоносный. Ветер каждой написанной и прочитанной книги. Ветер, который носит нас из города в город, из книги в книгу, из одного мира в другой и отличный (Osti 2016a: 30).

Фрагментарная природа (авто)биографической трилогии, призванная наилучшим образом соответствовать самой природе жизни, — это также попытка отразить при помощи формы те произвольные жизненные импульсы («ветры»), возникновение которых, согласно Ости, не поддается четкому объяснению. Данный мотив некоторым образом раскрывает и то многоуровневое, многосоставное «третье пространство», в котором пребывает лирический герой Ости, выражает ту загадочную силу, которая делает это гибридное поле столь противоречивым и не поддающимся какой-либо тотализации. «Список ветров» служит еще одной метафорой, наравне с «калейдоскопом» и фасеточным зрением, для изображения Ости существования между несколькими культурами и всей слож-

ности кочующей идентичности как таковой. Последняя, таким образом, вырывается как «фрагменты разноцветного стекла в калейдоскопе», образующие «всегда иную прекрасную арабеску», как «сумма неисчисляемых, отдельно взятых картинок», то есть так, как «мир вокруг себя видит муха» (Osti 2016a: 22–23). Размышляя в финале первой книги о ее жанровых особенностях, Ости осуществляет еще одну «гибридизацию», теперь уже свое произведение он называет «калейдоскопным романом о ветре» (Osti 2016a: 422), поскольку вышеупомянутое целое, которое невозможно, по его словам, объять ни в жизни, ни в литературе, «неуловимо, как ветер, который мы хоть и не видим, но ощущаем» (Osti 2016a: 423).

ПЕРЕХОД С ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА НА СЛОВЕНСКИЙ

С точки зрения транскulturности знаковым становится отсутствие в книгах Ости явления транслингвизма. К последнему зачастую прибегают писатели-иммигранты, чтобы передать свойственное для них двуязычие, внося в язык, на котором они пишут, элементы другого языка, зашифровав таким образом иную культурную, языковую и ментальную реальность, образуемый ими сложный сплав. Ости больше двадцати последних лет своей жизни писал по-словенски, при этом не делал практически никаких отсылок к своему родному языку — боснийскому, или «хорватскому сараевского происхождения», как он сам его называл (Osti 2020: 243): в его текстах мы находим единичные слова по-хорватски (*kušni* ‘поцелуй’). Значительное место в его прозе, однако, занимает рефлексия о языке и о переходе поэта на словенский как язык художественного самовыражения, здесь он предпринимает попытку рационализации этого процесса:

То, что я начал писать по-словенски еще и стихи после поэтического сборника «Печать Соломона» (1995), что до этого мне казалось невероятным, сегодня мне представляется большим счастьем. С того самого момента я ни строчки больше не написал на родном языке... Книги моих стихов, которые затем выходили на территории распространения бывшего сербохорватского языка, в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Черногории, это мои собственные переводы моих же стихов, написанных по-словенски. И хотя часто говорят и пишут, что я двуязычный поэт, я сам себя воспринимаю как поэта, который в один период своей жизни писал на одном, а в другой — на другом языке (Osti 2020: 243–244).

Творчество на неродном языке требует от писателя особенно ответственного отношения к лингвистическому материалу, он остается к себе крайне строг, говоря, что «лишь пытается писать по-словенски» (Osti 2016a: 377) и что «по-словенски заикается» (Osti 2020: 244). Тут мы, однако, не можем не согласиться с оценкой литературоведа Сильвии Боровник, которая отмечает, что «язык Ости, словенский, гибок и невероятно богат» [Borovnik 2017: 49]. В романе «Жизнь — чудовищная сказка» сам Ости приводит комплиментарную оценку в отношении его языка со стороны словенского писателя Саши Вуги (1930–2016): «Я страш-

но горжусь тобой, Йосип (несмотря на все, ты как-никак сараевец!), за гибкий, искусный, художественно и интеллектуально насыщенный словенский!» (Osti 2020: 397).

Любопытна попытка Ости найти следы словенского в языке своего деда и отца, которые называли себя словенцами, но по-словенски не говорили. В качестве слов, которые подтвердили правдивость семейной истории об итальянизированных словенцах, прибывших из Южного Тироля в Боснию в конце XIX в., стало выражение *zmijski pastir*, дословный перевод деда на хорватский словенского наименования стрекозы — *kačji pastir* ‘пастух змей’, тогда как стрекоза по-хорватски — *vilin konjic* (Osti 2020: 314). Такое же название, «Пастух змей» (*Zmijski pastir*), получил один из сборников стихов Ости, вышедший в Белграде в 1989 г. Словенское слово *ciza* (‘тележка’) стало семейным прозвищем отца Ости и еще раз напомнило о его словенских корнях (Osti 2020: 314).

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ОСТИ В ПОЛОЖЕНИИ АВТОРА-ИММИГРАНТА

Ости утверждает, что никогда не воспринимал себя как беженца, многократно подчеркивая, что война в Боснии и Герцеговине началась тогда, когда он уже жил в Словении. Тема беженства, изгнания наряду с темами потери родины, дома, родного языка все же присуща поэзии Ости [Красовец 2021: 315–320]. В его прозаических текстах мы также не находим какого-либо всерьез ощутимого конфликта, повествующего о чужом в словенском пространстве. О некоторых сложностях Ости все же упоминает, в частности о проблемах с получением словенского гражданства и о том, как он оказался среди так называемых вычеркнутых. Речь идет о мрачном эпизоде словенской государственной политики в период югославских войн, когда словенская сторона в свою очередь проявила дискриминацию по национальному признаку. «Вычеркнутыми» (слов. *izbrisani*) называют жителей Словении, граждан Союзных Республик Югославии, которых Министерство внутренних дел Республики Словении 26 февраля 1992 г. незаконно вычеркнуло из регистра лиц, постоянно проживающих в Словении, лишив их связанных с этим экономических, медицинских и социальных прав; многие из них были выдворены из страны в места, где в то время велись военные действия. Ости, однако, удается благополучно решить проблему благодаря друзьям-писателям (Osti 2016b: 241–243). Отметим, что даже если Ости не воспринимает себя как беженца, его слова в отношении другого писателя, уроженца Сараево, вынужденного эмигрировать в Сербию во время войны, Вуле Журича (р. 1969), во многом характеризуют позицию самого Ости в словенском контексте:

Из интервью я узнал, что на беженство, точнее на жизнь не здесь... он смотрит не так, как большинство. Без патетики и избегая сентиментальных стереотипов, а также без особого старания угодить окружению, в котором живет, но все же с подчеркнутым осознанием того, что то, что он пишет, принадлежит сербской литературе (Osti 2016a: 395).

Свое же положение в литературе Боснии и Герцеговины накануне войны и после ее окончания Ости описывает как пребывание на «ничейной земле». Не принадлежа ни к одной из трех основных наций Боснии и Герцеговины, он невольно выпал из ее литературного процесса. При презентации его сборника стихов «Сараевская книга мертвых» (*Sarajevska knjiga mrtvih*, 1993), прошедшей в Сараево во время осады, наравне с высокой оценкой лирики звучат голоса о том, что «завтра в литературе там будет место лишь для тех, кто во время войны остался в городе и боролся за него» (Osti 2020: 241); эти слова больно ранят поэта. В связи со всем этим переход Ости на словенский высвечивается в несколько ином ключе:

Из этого сложного положения быть ничьим я бессознательно спасся таким образом, что начал писать поэзию по-словенски. Хотя до этого я был глубоко убежден, что никогда не смогу написать ни одной строчки на каком-либо другом языке. Так же, как я никогда не желал жить где-то еще, кроме Сараево, в котором я родился (Osti 2020: 244).

Мультикультурный сараевский бэкграунд, очевидно, заложил основы транскulturной идентичности Ости: «Я всегда считал и продолжаю считать себя сараевцем... Не только тем, кто родился в Сараево, но еще больше тем, кто одновременно хорват, словенец, серб, мусульманин, еврей и представитель всех других народов и национальностей в нем» (Osti 2020: 377).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ОСТИ КАК ЧАСТЬ САРАЕВСКОГО ТЕКСТА

Так, романная трилогия хоть и написана по-словенски, по преимуществу обращена к пространству родного города Ости — Сараево. Благодаря этим произведениям, которые охватывают культурное пространство Боснии и Герцеговины и ее столицы, писатель безусловно вписывает свои тексты в так называемый сараевский текст. Важной и сильной составляющей последнего являются его поэтические сборники «Сараевская книга мертвых» (1993) и «Печать Соломона» (*Salomonov pečat*, 1995), написанные по-боснийски и переведенные на словенский Юре Потокарком. Здесь поэт со всей силой своего поэтического слова говорит о трагедии Сараево и его жителей. Проза, которую Ости пишет в последние годы своей жизни, дополняет эту важную тему, хотя в ней речь не идет лишь о периоде военного конфликта, а охватывает практически весь XX в., повествование рисует пространство, которое приобретает ключевые структурные особенности и проблематику «боснийского» или — уже — «сараевского» текста.

Термин «сараевский текст», возникший по аналогии с «петербургским текстом» [Топоров 2009], еще не так глубоко проработан в боснийско-герцеговинском литературоведении. На основе широчайшего круга текстов, рассказывающих о Сараево, его истории, культуре и архитектуре, такие исследователи, как

Санин Кодрич, Нэхрудин Рэбихич, Адията Ибришимович-Шабич, Елена Баврка, изучают явление «сараевского текста» [Kodrić 2012; Rebihić 2014; Ибришимович-Шабич, Баврка 2022]. Его ключевые особенности находят свое отражение и в творчестве Ости, среди них метафора «перекрестка» как пространства встреч, пересечения и взаимодействия различных миров и их литературно-культурных традиций, как гибридное пространство на границе между Востоком и Западом и, как следствие, конфликтных социальных отношений. В качестве важных констант выступают «поэтика свидетельства» и «поэтика воспоминаний», а также языковые коды и знаки, формирующие сараевский свертхтекст, или палимпсест, среди последних, например, так называемый сараевский выстрел. Сараево предстает также как пространство смерти, место ненависти, насилия и конфликтов, отсюда же представление о цикличности, повторяемости трагических событий. В 1990-е годы появляется метафора «осажденного города» и урбицида. Именно во время войны 1992–1995 гг. литература Боснии и Герцеговины переживает поэтический поворот, тогда же город начинает узнавать себя не только через историю, но и посредством литературно-художественной репрезентации [Ибришимович-Шабич, Баврка 2022: 281–283]. Это время короткой прозы и нового поколения авторов, таких как Ненад Величкович, Мильенко Ергович, Джевад Карахасан, Александр Хемон, Карим Заимович и многих других, чьи тексты представляют собой, по словам литературоведа Энвера Казаза, «этический документ исторического ужаса» [Kazaz 2007]. Их рассказам свойственны дестабилизированная жанровая форма, мозаичный нарратив, личное и документальное свидетельства, палимпсестная структура повествования, обновление и перекодирование традиционных нарративных моделей, преобладание лирического над повествовательным. Именно рассказ получает в это время функцию основного жанра боснийско-герцеговинской литературы, поскольку в контексте военного хаоса привносит дискурс, который «борется с национально, политически и идеологически обоснованными метанарративами, устанавливает новые модели культурной памяти» [Kazaz 2007]. Калейдоскопные романы Ости имеют типологическое родство с данным литературным явлением. Среди тем и мотивов, которые мы находим в прозе Ости и в произведениях Ерговича, Карахасана, Величковича, мотивы снайперов и обстрела города, ожидания в очереди за водой, эвакуации из города, поджога при бомбардировках Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины, судьбы сараевских евреев, деконструкции мифологемы дома, кризиса мультикультурности, повлекшего за собой идентификационный кризис Сараево, тема ответственности литераторов и литературы за кровавый конфликт в Боснии и Герцеговине и др.

Так, жанровый синкретизм, трансформирующий современный, в частности словенский, роман [Zupan Sosić 2013: 14], получает в калейдоскопических романах Ости новые интригующие формы. Гибридная структура призвана отразить тематическую мозаику, выработанный таким образом подход позволяет писателю, помимо прочего, передать сложные транскультурные процессы, обогащающие его личное и творческое пространство. Йосип Ости — уникальный

пример в словенской литературе, его творчество внесло важный вклад в словенское культурное поле, обладающее благодаря таким авторам-космополитам, как Ости, существенной транскulturной составляющей.

Источники иллюстративного материала

- Osti J.* Kraški narcis. Ljubljana: Študentska organizacija univerze, Študentska založba, 1999.
- Osti J.* Duhovi hiše Heinricha Bölla: (kalejdoskopski roman, zgrajen iz zgodb, predvsem o pisateljih). Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016a.
- Osti J.* Pred zrcalom: (beleške za neodposlano pismo Chalesu Bukowskemu ali nedokončan roman, zgrajen iz posamičnih, včasih v življenju tudi nedokončanih ljubezenskih zgodb). Maribor: Založba Pivec, 2016b.
- Osti J.* Salomonov pečat: [dnevnik nesaničice = dnevnik nespečnosti] / prepesnil in prevedel Jure Potokar. Ljubljana: Mihelač, Društvo slovenskih pisateljev, 1995.
- Osti J.* Sarajevska knjiga mrtvih. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1993.
- Osti J.* Veronikin prt: tomajske ne himne ne elegije. Ljubljana: Študentska založba, 2002.
- Osti J.* Življenje je srljiva pravljica [Elektronska vir]: (tritirni kalejdoskopsko-mozaični roman, v katerem se prepletajo moje zdravljenje po ugotovitvi neozdravljive rakaste bolezni konec leta 2014, mamin vojni dnevnik iz obleganega Sarajeva v letih 1992–1995 ter spomini, ki so se mi ob tem porajali in me obletavali kot ptiči Frančiška Asiškega). Maribor: Založba Pivec, 2020.
- Jergović M.* Sarajevski Marlboro. Zagreb: Durieux, 1999.
- Karahasan D.* Dnevnik selidbe. Sarajevo: Connectum, 2010.
- Veličković N.* Đavo u Sarajevu. Split: Feral Tribune, 1998.

Литература

- Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
- Ибришимович-Шабич А., Баврка Е.* «В Сараеве жить невозможно»: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 279–292. <https://www.doi.org/10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05>
- Красовец А. Н.* Транскulturность в творчестве Йосипа Ости // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 311–329. <https://www.doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04>
- Рубинс М. О.* Литература в контексте транснациональной теории // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: избранные труды / отв. ред. Ю. В. Меньшикова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 275–283.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
- Bhabha H. K.* The Location of Culture. London, New York: Routledge, 1994.
- Bhabha H. K.* The Third Space. Interview with Homi Bhabha // Identity. Community, Culture, Difference / ed. by J. Rutherford. London: Lawrence and Wishart, 1990. P. 207–221.
- Borovnik S.* Podobe medkulturnosti v literarnem delu Josipa Ostija // Borovnik S. Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti. Maribor: Univerzitetna založba Univerze, 2017. S. 41–52.
- Jurić Pahor M.* Transkulturnost: vpogledi v «slovensko» manjšinsko književnost // Družba in družbena gibanja 50 let po 1968 / Slovensko sociološko srečanje 2018, Piran, 18.–20. oktober 2018 / ur. M. Ignjatović, A. Kanjuro Mrčela, R. Kuhar. Ljubljana: Slovensko sociološko društvo, 2018. S. 57–61.

- Kazaz E. Nova pripovjedačka Bosna // Sarajevske Sveske. 2007. No. 14. URL: <https://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (дата обращения: 27.05.2022).
- Kodrić S. Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti. Sarajevo: Slavistički komitet, 2012.
- Koron A. Večjezičnost in večkulturnost v literarnih delih Josipa Ostija in Gorana Vojnovića // Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu / ur. A. Koron, A. Leben. Ljubljana: Založba ZRC, 2020. S. 165–177.
- Kundera M. Lart du roman. Paris, 1986.
- Novak B. A. Moj brat Josip Osti // Delo: Sobotna priloga. 10.07.2021. URL: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (дата обращения: 21.04.2022).
- Rebihić N. «Sarajevski tekst» u poeziji Abdulaha Sidrana // Pismo, Časopis za jezik i književnost. 2014. No. 12. S. 186–204.
- Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge (MA): Blackwell, 1996.
- Welsch W. Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen // Hybridkultur: Medien, Netze, Künste / Hrsg. von I. Schneider, Ch. W. Thomson. Köln: Wienand, 1997. S. 60–90.
- Zupan Sosič A. Slovenski roman v literarni vedi po letu 2000 // Slavistična revija. 2013. No. 1. S. 11–23.
- Žitnik Serafin J. Položaj priseljenskih avtorjev v slovenski kulturi // Žitnik Serafin J. Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru. Ljubljana: ZRC, ZRC SAZU, 2008. S. 102–108.

References

- Bakhtin M. *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. (In Russian)
- Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London, New York, Routledge, 1994.
- Bhabha H. K. The Third Space. Interview with Homi Bhabha. Rutherford J. (ed.). *Identity. Community, Culture, Difference*. London, Lawrence and Wishart, 1990, pp. 207–221.
- Borovnik S. Images of interculturality in the literary work of Josip Osti. Borovnik S. *Večkulturnost in medkulturnost v slovenski književnosti*. Maribor, Univerzitetna založba Univerze, 2017, pp. 41–52.
- Ibrišimović-Šabić A., Bavrka J. “It is impossible to live in Sarajevo”: Sarajevo text vs. Petersburg text (on the example of Abdulah Sidran’s poetry). *Slavianskii al’manakh*, 2022, no. 1–2, pp. 279–292. <https://www.doi.org/10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05> (In Russian)
- Jurić Pahor M. Transculturality: Insights into “Slovenian” Minority Literature. Ignjatović M., Kanjuo Mrčela A., Kuhar R. (eds). *Družba in družbena gibanja 50 let po 1968 / Slovensko sociološko srečanje 2018, Piran, 18.–20. oktober 2018*. Ljubljana, Slovensko sociološko društvo, 2018, pp. 57–61.
- Kazaz E. New narrative Bosnia. *Sarajevske Sveske*, 2007, no 14. Available at: <https://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 27.05.2022).
- Kodrić S. *Literature of Memory: Cultural Memory and Representation of the Past in recent Bosniak Literature*. Sarajevo, Slavistički komitet, 2012.
- Koron A. Multilingualism and multiculturalism in the literary works of Josip Osti and Goran Vojnović. Koron A., Leben A. (eds). *Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu*. Ljubljana, Založba ZRC, 2020, pp. 165–177.

- Krasovets A. N. The Transculturality in the Artwork of Josip Osti. *Slavianskii al'manakh*, 2021, no. 3–4, pp. 311–329. <https://www.doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.04> (In Russian)
- Kundera M. *L'art du roman*. Paris, Gallimard, 1986.
- Novak B. A. My brother Josip Osti. *Delo: Sobotna priloga*. 10.07.2021. Available at: <https://www.delo.si/sobotna-priloga/moj-brat-josip-osti/> (accessed: 21.04.2022).
- Rebihić N. “The Sarajevo Text” in the poetry of Abdul Sidran. *Pismo, Časopis za jezik i književnost*, 2014, no. 12, pp. 186–204.
- Rubins M. O. Literature in the Context of Transnational Theory. Men'shikova Iu. V. (ed.). *XLII Meždunarodnaia filologičeskaia konferentsia, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013: Izbrannye trudy*. St Petersburg, Filologičeski fakul'tet SPbGU Publ., 2014, pp. 275–283. (In Russian)
- Soja E. W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Cambridge (MA), Blackwell, 1996.
- Toporov V. N. *Petersburg Text*. Moscow, Nauka Publ., 2009. (In Russian)
- Welsch W. Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen. Schneider I., Thomson Ch. W. (Hg.). *Hybridkultur: Medien, Netze, Künste*. Köln, Wienand, 1997, pp. 60–90.
- Zupan Sosič A. Slovenian Novel in literary Studies after 2000. *Slavistična revija*, 2013, no. 1, pp. 11–23.
- Žitnik Serafin J. The Position of immigrant Authors in Slovenian Culture. Žitnik Serafin J. (ed.). *Večkulturna Slovenija: položaj migrantske književnosti in kulture v slovenskem prostoru*. Ljubljana, ZRC, ZRC SAZU, 2008, pp. 102–108.

Сведения об авторе

Красовец Александра Николаевна

Кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а

Aleksandra N. Krasovec

PhD in Philology

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

32a, Leninskiy pr., Moscow, 119334, Russian Federation

E-mail: aleksandrakrasovec@yahoo.com

SPIN-код: 9248-6054

Researcher ID: 958599

ORCID: 0000-0001-9500-1767

Scopus ID: 57221118135